

Осада Пскова.

Королю пришлось употребить всю весну на переговоры съ сеймомъ. «Король далъ изъ своего кармана все, что могъ дать», кричалъ Замойскій депутатамъ, «что вы ждете еще отъ него,—чтобы онъ снялъ съ себя кожу? Если-бы какой нибудь алхимикъ нашелъ секретъ дѣлать золото изъ человѣческой кожи, король охотно занялся бы этимъ!» Въ концѣ-концовъ, субсидіи добились еще на одинъ годъ, цѣною принятія на себя условія, что война будетъ закончена. Поступленіе вотированныхъ налоговъ запоздало. Тогда заложили драгоцѣнности короны и получили 50,000 экю отъ герцога Ансбахскаго и столько же отъ курфюрста Бранденбургскаго. Послѣ этого король двинулся въ путь. Но на Диснѣ произошла новая задержка. Подобно тому, какъ запоздали деньги, и люди не явились на призывъ. Здѣсь король узналъ, что отрядъ русскихъ, сосредоточенный у Можайска, вторгся въ Литву со стороны Смоленска. Тамъ онъ сжегъ 2,000 деревень, разорилъ цѣлую область между Оршей и Могилевомъ, и захватилъ и переправилъ на другой берегъ Днѣпра много народа—какъ крестьянъ, такъ и дворянъ. Баторій, дѣлая по 16 миль въ день, только 15 іюля прибылъ въ Полоцкъ. Тамъ онъ произвелъ смотръ своей арміи. 29 іюня онъ былъ въ Заволочѣ и собралъ тамъ совѣтъ. Въ виду труднаго времени колебались относительно плана дѣйствій. Былъ поднятъ вопросъ о нападеніи на Новгородъ. Но, какъ и предугадалъ Иванъ, рѣшили идти на Псковъ, ибо онъ былъ ближе. Надо было предвидѣть, что городъ не сдастся ранѣе холодовъ. Переписка Баторія свидѣтельствуетъ, что онъ рѣшился на случайности зимней кампаніи въ надеждѣ

на то, что въ теченіе ея либо будетъ взятъ Псковъ, либо Иванъ принужденъ будетъ принять миръ. Чтобы сохранить Псковъ, царь можетъ бросить Ливонію. Наконецъ, вмѣшательство Рима, соединенное съ настроеніемъ Сейма, дѣлало то, что король готовъ былъ не требовать большаго въ данный моментъ, не итти дальше.

Захвативъ по пути Островъ, поляки 25 августа оказались въ виду Пскова. Они были поражены его размѣрами и его величественнымъ видомъ. «Можно подумать, что это второй Парижъ», писалъ секретарь королевской канцеляріи, аббатъ Піотровскій, дневникъ котораго дошелъ до насъ. Это замѣчаніе повторено дословно въ мемуарахъ Мюллера, другаго очевидна. Уже съ давнихъ временъ приведенный въ состояніе обороны и постоянно укрѣпляемый въ виду близости нѣмцевъ, Псковъ имѣлъ каменные стѣны, къ которымъ недавно прибавили частоколъ. Руководили обороной два князя Шуйскихъ, Василій Ѳеодоровичъ и Иванъ Петровичъ; послѣдній былъ внукомъ того правителя, съ которымъ мы познакомились, изучая дѣтство Грознаго. Эти храбрые и опытные люди имѣли подъ своимъ командованіемъ—по русскимъ источникамъ—30,000 воиновъ, по польскимъ—40,000. Относительно дѣйствующей силы арміи, въ собственномъ смыслѣ слова, обѣ эти цифры преувеличены. Однако, онѣ не меньше дѣйствительности, если принять во вниманіе «ѣдоковъ», какъ называлъ полковникъ польской арміи, венеціанецъ Родольфини, рабочихъ и слугъ, идущихъ съ его арміей. По крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, могли быть употреблены въ качествѣ стрѣлковъ. Ихъ количество онѣ исчислялъ въ 170,000 человѣкъ! Вѣроятно, и во Псковѣ было значительное количество такихъ «ѣдоковъ»; точную цифру ихъ установить невозможно, такъ какъ документы того времени не даютъ того, что находимъ мы въ нашей теперешней статистикѣ.

Что касается польскаго войска, то источники, къ которымъ я уже прибѣгалъ, даютъ болѣе опредѣленные указанія. Они насчитываютъ подъ начальствомъ Баторія 21,102 человѣка, изъ нихъ около половины—конницы; по другому расчету—18,940 и около 10,000 литовцевъ.

Это было немного для осады города, который походилъ на Парижъ. Официальный историкъ похода—со стороны поляковъ—Гейденштейнъ, правда, говоритъ о 24,000 великолѣпныхъ коней, которые продефилировали подъ удивленными взорами псковитянъ. Но, очевидно, у него двоилось въ глазахъ, какъ и у Ивана, который увѣрялъ.

что «Обатура» поднялъ на него всю Италію. Ко времени, указываемому Гейденштейномъ, въ лагерѣ Баторія оставалось только 6,469 чело-вѣкъ польской и 674 венгерской конницы. Участіе Италіи вырази-лось въ присылкѣ нѣсколькихъ инженеровъ, а изъ французовъ было 1 или два офицера,—между ними капитанъ Гаронъ, «человѣкъ малень-каго роста, хорошій музыкантъ и очень храбрый», по словамъ Пютров-скаго; онъ, «шалава, какъ лягушка», измѣрялъ своей шпагой рвы города. Вѣроятно, это былъ гасконецъ и, конечно, смѣльчакъ.

Этого было недостаточно, чтобы взять первоклассную крѣпость, рѣшившуюся упорно ащищаться. Принимая въ соображеніе средства, которыми, вообще, располагалъ Баторій, можно усомниться, имѣлъ ли онъ въ виду продолжительную осаду. Въ его артиллеріи было не больше двадцати орудій, и пороху едва хватило бы на первыя недѣли. Очень можетъ быть, рассчитывая на свою кавалерію, чтобы оцѣпить городъ, король имѣлъ намѣреніе взять его голодомъ. Но и онъ самъ не былъ склоненъ простоять подъ стѣнами Пскова всю зиму. Вѣро-ятно, онъ боялся, что духъ войска можетъ пасть при видѣ необхо-димыхъ приготовленій къ зимней стоянкѣ, палатокъ и провіанта. Недостатокъ въ деньгахъ и позднее выступленіе въ походъ присоеди-нились къ условіямъ, разбившимъ его планы и нарушившимъ расчеты. Собственно говоря, онъ шелъ на большой рискъ. Но его геній и приоб-рѣтенный размахъ способствовали его удачѣ и, дѣйствительно, рѣ-шили исходъ борьбы.

Трудно возстановить внѣшній ходъ этой борьбы, но еще труднѣе проникнуть въ ея моральный смыслъ, что, собственно, и является особенно интереснымъ. Русскіе и польскіе источники, согласные въ деталяхъ, постоянно и рѣшительно расходятся въ своихъ показа-ніяхъ по существу, противорѣча другъ другу въ описаніяхъ положе-нія сражающихся и общаго хода сраженій. Одна сторона приписы-ваетъ большое значеніе вылазкамъ осажденныхъ; другая утверждаетъ, что гарнизонъ былъ далеко не столь предпримчивъ и боялся огня орудій. Польскіе документы отдають должное непрерывной и усилен-ной дѣятельности маленькихъ московскихъ отрядовъ, тревожившихъ осаждающихъ и мѣшавшихъ имъ получать провіантъ. Русскіе—пред-ставляютъ намъ населеніе Пскова полнымъ энтузіазма, равнаго доб-лести ихъ защитниковъ, помогавшей воинамъ сопротивляться до послѣдней капли крови. Со стороны поляковъ читаемъ иную версію: будто бы одна лишь энергія Шуйскаго помѣшала *черни* пойти на до-

вольно скорую сдачу. На этот счет русские источники содержат, повидимому, вполне безспорныя указанія. Будучи назначены на защиту Пскова, оба Шуйскіе должны были отправиться съ царемъ въ Успенскій соборъ и тамъ принести присягу въ томъ, что будутъ отстаивать городъ до послѣдней возможности. Ту же клятву они не разъ заставляли приносить и самихъ псковитянъ. Очевидно, эти послѣдніе не слишкомъ были расположены выдерживать осаду. Но надо, все же, прибавить, что наиболѣе значительный документъ, относящійся къ этому эпизоду,—записки аббата Піотровскаго—принадлежитъ перу человѣка недовольнаго, выведеннаго изъ терпѣнія продолжительностью войны и непріятностями зимняго похода. Уже въ Полоцкѣ онъ считалъ требованія Баторія чрезмѣрными и находилъ, что войну пора бы кончить безъ дальнѣйшихъ распрей. «Всѣмъ она надобла». Конечно, ему казалось, что подъ Псковомъ все идетъ не такъ, и что продолжительная осада увеличиваетъ бѣдствія сражающихся.

Вѣрно только то, что первый приступъ поляковъ 8 сентября 1581 года былъ храбро отраженъ русскими, и осаждающіе понесли страшныя потери. Тутъ погибъ Гавріилъ Бекешъ, братъ смѣлаго начальника венгерской кавалеріи, утомленный предыдущимъ походомъ. Попытка эта долго не возобновлялась. И такъ не хватало боевыхъ запасовъ, а тутъ еще взорвало пороховой погребокъ въ Зушѣ. Пришлось отправлять за пороховъ въ Ригу, и Баторій могъ на досугъ изучать воинское искусство по книгѣ графа Рейнгарта Сольмскаго, которую прислалъ ему сынъ знаменитаго маршала Карла V. А, въ это время, осажденные издѣвались надъ осаждающими, кричали, почему они не палятъ? Какъ думать о томъ, чтобы взять городъ, когда нечѣмъ палить? Пускай смотрятъ на валы хоть два года!

Въ концѣ октября польская армія порѣдѣла на 10% благодаря голоду и стужѣ. Не приходилось и сорока лошадей на эскадронъ, по свидѣтельству Піотровскаго, и литовцы грозились уйти. Баторій былъ принужденъ собрать предводителей и сказать имъ рѣчь. Но дѣла пошли еще хуже, когда король счелъ необходимымъ вернуться въ Варшаву, чтобы принудить сеймъ къ новымъ усиліямъ. Новый приступъ 3 ноября, послѣ прибытія обоза изъ Риги, кончился такъ же печально, какъ и первый. Тогда сняли орудія съ багтарей и болѣе, чѣмъ когда-либо, стали ждать мира. Главное командованіе войскомъ принадлежало теперь Замоискому; польскіе историки самого послѣдняго вре-

мени особенно восхваляютъ его достоинства въ ущербъ «мадьярскому королю». Но былъ ли бы онъ въ силахъ удержать армію подъ знаменами и заставить ее переносить жестокія испытанія этой осады, если бы за нимъ не стоялъ государь, характеръ и сила котораго были всѣмъ извѣстны? Это болѣе, чѣмъ сомнительно. Безъ Даву и Ланна, Нея и Массена, Наполеонъ не выигралъ бы большинства своихъ битвъ; мы знаемъ, что при наличности полководцевъ, подобныхъ Груши, онъ дошелъ до Ватерлоо! Собственно, Замоискій только слѣдовалъ плану, который, въ концѣ-концовъ, долженъ былъ оказаться наиболѣе подходящимъ при данныхъ обстоятельствахъ. Никто не станетъ отрицать, что планъ этотъ принадлежалъ Ваторію. Псковичи готовы были прійти къ убѣжденію, что городъ можно взять, *смотря на него*. Поляки не стрѣляли, но они держались своей линіи, не допускали никакого общенія Пскова съ окрестностями, а запасы, собранные въ немъ царемъ, грозили истощиться.

Съ другой стороны, въ Ливоніи, куда не могъ проникнуть ни одинъ русскій, шведы побѣдоносно шли впередъ. Теперь Польша могла скорѣе опасаться, нежели желать такихъ независимыхъ союзниковъ. Они, тѣмъ не менѣе, наносили чувствительные удары общему врагу. Въ теченіе лѣта, сначала порознь, а затѣмъ соединивъ свои силы, Горнь и Делагарди взяли Лодзь, Фикель, Гапсаль; въ сентябрѣ они осадили Нарву. Нѣмецкая часть города сдалась послѣ осады, во время которой, по ливонскимъ лѣтописямъ, погибло до 7,000 жертвъ, а русская часть сдана была Аванасіемъ Бѣльскимъ. Въ концѣ ноября вся береговая линія Финнскаго залива была въ рукахъ шведовъ, которые могли теперь брать въ плѣнъ англійскія суда, снабжавшія Ивана военными запасами. Угрожая Пернау, Дерпту и Феллину, Делагарди готовъ былъ овладѣть послѣднимъ русскимъ оплотомъ въ этомъ краю.

Эти побѣды, естественнымъ образомъ, отзывались подъ стѣнами Пскова, заставляя еще больше желать мира, къ которому стремились обѣ стороны. Въ концѣ ноября гонецъ отъ Шуйскаго къ царю, перехваченный осаждающими, вернуть имъ мужество: онъ везъ съ собою вѣсть, что, если городъ не получитъ помощи, онъ принужденъ будетъ сдаться, такъ какъ начался голодъ. Правда, нѣсколько дней спустя, два боярина, изъ защищавшихъ городъ, попались въ плѣнъ полякамъ и дали совершенно другія показанія: у осажденныхъ-де есть и хлѣбъ, и все прочее, не хватаетъ только мяса. Но въ это время уполномочен-

ные Баторія уже направлялись въ Ямъ-Запольскій, чтобы встрѣтиться тамъ съ довѣренными Ивана и заключить миръ при посредствѣ Поссевина.

Очень различнымъ образомъ учитывалось въ этомъ дѣлѣ участіе папы. Чтобы выяснитъ этотъ вопросъ, я долженъ вернуться назадъ и рассказать о началѣ одной миссіи, которая составила эпоху въ исторіи дипломатическихъ отношеній между Москвою и Римомъ (*).

(*) По вопросу о причинахъ войны см. переписку Винцента Лауреа, напечатанную *Вермбовскимъ*, Варшава, 1887. По исторіи войны между старыми сочиненіями см. *Albertrandi*, le Règne de Henri de Valois et d'Etienne Bathory, Varsovie, 1823, новое изданіе; *Heidenstein*, De bello Moscovitico, у Старчевскаго, II; *Strykowski*, Zbiór dziejopisów polskich, Варшава, 1766; всѣ они основаны на оффиціальныхъ польскихъ данныхъ того времени. *Sulicovius*, Commentarius brevis rerum poloniarum, написанъ до 1597 г., напечатанъ въ Данцигѣ въ 1647 г., болѣе независимъ. Что касается до иностранцевъ, то *Одерборнъ*, о. cit. только прибавляетъ къ оффиціальнымъ даннымъ нѣсколько фантастическихъ разсказовъ; *Renner* въ *Livlaendische Historien*, даетъ нѣсколько точныхъ свѣдѣній. *Brutto* и *Giulay* опубликовали вскорѣ послѣ войны нѣсколько реляцій. Въ болѣе недавнее время *Горскій* представилъ новыя данныя въ историческихъ очеркахъ о войнѣ, напечатанныхъ въ Biblijoteka Warszawska, 1892 г. и въ цѣлой серіи трудовъ о польской арміи, напечатанныхъ въ Краковѣ отъ 1843 до 1894 г. См. также разборъ этихъ очерковъ у *Корзона* въ *Kwartalnik Historyczny*, Lemberg, 1892 г. См. также *Никитскій*, Очерки внутренней исторіи Пскова, СПб., 1873. Главныя русскіе источники слѣд.: повѣствованіе о вторженіи поляковъ въ Чтеніяхъ О. Истор. и Др., 1847, различные документы въ *Hist. Russia Monumenta*, I и въ сборникѣ *Кояловича*, 1867. Польскіе источники; записки аб. Піотровскаго, изданныя сначала *Кояловичемъ*, а въ болѣе недавнее время аб. Чу-

чинскимъ, Краковъ, 1894; различные документы, опубликованные аб. *Полковскимъ* въ XI т. *Acta Historica*, Краковъ, 1887; *Павинскій*, см. XI т. *Zródła Dziejowe*, Варшава, 1881—1882; документы нап., въ Библиотекѣ Красинск. Варшава, 1881; ср. Архивы дома Радзивиллъ, Краковъ, 1885; Архивы дома Сапѣга, Львовъ, 1892. Но важнѣйшими источниками являются летучіе листки и вѣдомости того времени, полной коллекціи которыхъ, къ сожалѣнію, нѣтъ, а встрѣчаются лишь небольшія собранія въ библиотекахъ Лемберга (*Pawlikowski*, *Kurnik* и *Wolfenbüttel*. См. по этому вопросу *Hausmann*, *Studien zur Geschichte der Koenigs Stephan*, Dorpat 1880 и, особенно, *Василевскій*—ст. о польской и нѣмецкой печати во время войны Баторія съ Ив. IV, Журн. Мин. Нар. Пр., 1889). Наиболѣе интересными являются нѣкоторыя указанія въ различныхъ мемуарахъ той эпохи; между ними—мемуары *Мюллера*, появившіеся въ различныхъ нѣмецкихъ изданіяхъ 1585—1606 г., и въ польскомъ изданіи, 1840. О дѣйствіяхъ шведовъ: *Lossius*, *Die Urkunden der Grafen de la Gardie*, Dorpat, 1882. Во вопр. о переговорахъ: *Dogiel* *Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Lithuaniae*, Vilna, 1758; *Hist. Russiae Mon.*; I; Книга посольская... великаго княжества Литовскаго, изд. *Погодина и Дубенскаго*, М. 1843; Переписка между Россіей и Польшей, опублик. *Бантыши-Каменскимъ* въ Чтеніяхъ О-ва И. и Др., 1860; *его же*, Обзоръ внѣшнихъ сношеній... Москва, 1894. *Annales ecclesiastici*; Theiner, т. III; Памятники дипломатическихъ сношеній, С.-П. 1851—1871, т. I; Мухановскій Сборникъ, Москва, 1836; *Chytraeus*, *Chronicon Saxoniae*, 1593—1611 и т. д. Для характеристики Баторія: *Niemcewicz*, *Zbiór Pamietników*, Варш., 1822, II т. *Plater*, *Zbiór Pamietników*, Варш., 1858; *Raczynski*, Варш. 1830; см. также неоконченный трудъ *Szlachetewski*, *Dziesiec lat panowania S. B.*, Краковъ, 1850; *Bartoszewicz*, *Anna Jagiellonka*, Краковъ, 1882; труды *Павинскаго*, Варшава, 1877—1897 г.; Переписка *Лауреа*, изд. *Вержебовскаго*; *Kraushaar*, *Czary na dworze Batorego*, Крак. 1888; записки *Вилевицкаго* въ т. VII, *Scriptores rerum polonie*, 1881; *Ridolfini*, *Przewodnik Naukowy*, Lemberg, 1878, т. II; Полной біографіи короля нѣтъ, потому что нельзя считать таковой книгу *Warszewicki*, *Vita, res gestae et obitus Stephanis regis*, Bale, 1612, а сочиненіе *H. Zschokke*, *Stephan Batori*, *Beyreuth*, 1797, только романъ. Венгерскій писатель *Szadecky*, *Bathory Istvan*, Budapest, 1887 (отрывки въ *Ungarische Revue* 1887), собралъ нѣкоторые интересные матеріалы и готовить новые.